

Новая газ. - 2003. - 5-7 мая. - с. 20.

Еще несколько лет назад Алексея Ратманского считали талантливым миниатюристом, способным в формате одноактного балета отразить современный ритм. В Большом театре промелькнуло на один вечер, но запомнилось «Каприччио» на музыку Стравинского. В Мариинском театре возникла «тройчатка» («Поцелуй феи», «Средний дуэт», «Поэма экстаза»). В репертуаре уделел «Дуэт», вместивший в считанные минуты всю плотность иероглифической пластики Ратманского.

Сегодня из «экспериментального и перспективного» он превратился в хореографа, которого приглашают в оба столичных театра. Только в нем упорно не хотят видеть балетмейстера, выпускающего оригинальную продукцию, а признают постановщика, уме-

Предпремьерный показ балета Д. Шостаковича «Светлый ручей» в Большом театре. Хореограф Алексей Ратманский

ПАМЯТИ КРЕПОСТНОГО БАЛЕТА-1935

ющего работать с артистом. Иначе не объяснишь, почему который год Ратманского прокатывает «Золотая маска».

В этом году соревновались его «Золушка» (Мариинский театр) с его же «Леа» (антреприза Нины Ананиашвили). Но, дабы не обидеть ни одного из Ратманских, «Маску» хореограф не присуждали, а премию за лучший спектакль дали балетам патриархального Ролана Пети.

Все было бы не так смешно, если бы сам Алексей не обладал чувством юмора и придавал премии или ее отсутствию какое-то значение. Он привык надеяться на самого себя и свою балетмейстерскую фантазию. Не озлобляется, но все чаще берет за сказочные сюжеты и светлые истории, наполняя их говорящими аллегориями и современным пафосом.

Премьерой «Жар-птицы» в Стокгольме начался для него сезон. В конце его выйдет «Карнавал животных» в «Балете Сан-Франциско».

Между этими двумя премьерами он выпустил «Светлый ручей» в Большом.

Безобидный «Светлый ручей» появился на свет в Ленинграде в 1935-м, когда на той же сцене прощальный «чертов круг» закужила «Пиковая дама», одна из последних постановок Мейерхольда. В тот год пустили первую московскую линию метро — столица должна была в голос заявлять о своих достижениях. Почти сразу «Ручей» подкорректировали и перенесли в главный театр страны как особо отличившийся.

На балетном фронте он афишировал достижения народного хозяйства: уборка урожая прошла успешно — поздравить колхозников приехала столичная бригада артистов. Танцевальный спектакль с ткацким хором, с герл-колхозницами и пляшущим трактористом, приударяющим за мюзик-холльной Дояркой, ждала удача и в Большом. Постановщика Федора Лопухова, новатора и экспериментатора, приветствовала Москва. Но вскоре ему напомнили, что эпоха свободных 20-х закончилась, что прозные 30-е требуют подчинения стандартам, а не сочинения веселых танчиков. Его и Шостаковича обвинили в формализме, в отрыве от реальности. Самодержцем моды устанавливался опасный драмбалет.

Через семьдесят лет Ратманский оживил журчащую музыку Шостаковича, и в ней расслышались ставшие расхожими мелодии Дунаевского к комедиям Александрова, куски, растасканные позднее по произведениям самого композитора. И хореограф вслед за Шостаковичем, обыгрывая колхозную тему, свой ювелирный танцевальный текст подпирал поддержками большого советского стиля — от Ростислава Захарова до Юрия Григоровича: бесшабашными рыбками, высокими отжимами, долгими каруселями, рискованными обводками. (Точно попал в дух музыки, пожалуй, Большой вальс, идеально разработанная длинная кордебалетная сцена.)

Ратманский не боится длинот, которых немало у Шостаковича, он дробит чистый танец связанными с сюжетом уходами, возвращениями, паузами, стоп-кадрами, пантомимными эпизодами.

Вальс-макабр построен им как посвящение снятому спектаклю Федора Лопухова: в исполнении молодого Егора Симачева «инспектор по качеству» Гаврилыч, распугивающий всех натуральной косой, словно подрубил ноги персонажам своего колхоза-театра. В нем даже брезжило портретное сходство с товарищем Сталиным, по распоряжению которого в 1936-м запретили «Светлый ручей».

Балет разбит на множество сцен, продиктованных музыкальными дивертисментами и кинематографическим мышлением крупных и общих планов. Ратманский занят не столько формообразованием (пусть крупных мастеров), сколько словообразованием танца-аттракциона, трюка и гза. Отсюда готовые концертные номера адажио Петра и Зины, свидания Пожилого дачника и Классического танцовщика, переодетого Сильфидой, ухаживания приезжего Гармониста за школьницей Галей, отношения Дачника и Дачницы, примирение Горцев с Кубанцами при участии Классической танцовщицы, встреча Зины с колхозницами, поставленная как танец восходящего дня.

Во всех этих партиях соперничают между собой разные составы. Мария Александрова олицетворяет масштаб со-

Воскрешена
музыка, умолкшая
в 1936-м.
На сцене —
герлс-
колхозницы,
Горцы, Кубанцы,
гэги,
гигантские
огурцы,
Гармонисты,
Инспектора
Гаврилычи,
пурпур, силос
и свинец
Большого стиля,
смех сквозь танец
и смех сквозь
слезы

зидательно-разрушительной силы в роли Классической танцовщицы. Она (а кто же еще?) задумывает все переодевания, водит за нос и чужого ухажера Петра, и Пожилого дачника, и Молодящуюся дачницу. Екатерина Шипулина в той же партии играет скорее в игры карнавальной ночи, воплощая образ женской красоты послевоенных лет.

Как Классический танцовщик премьер Сергей Филин был вынужден надеть тюнику и встать на пальцы (что он и сделал по-премьерски). У протескового солиста Яна Годовского это оказалось второй натурой, настолько острее и естественнее он выделял женские па. А молодой солист Руслан Скворцов изображал дебиловатую Сильфиду, знающую себе цену. Балет полон актерских открытий, по погоду в нем делает главная пара классических танцовщиков — кто танцует, таков и спектакль. А «Светлый ручей» под знаком Ратманского — смех сквозь танец.

Варвара
ВЯЗОВКИНА